

0-792785

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ШАНЯВСКАЯ Наталья Евгеньевна

**Разноструктурные языковые средства в описании предмета
(на материале поэзии М. Крепса и И. Бродского)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ - 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Ф ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Зубова Людмила Владимировна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Норман Борис Юстинович
(Минский государственный университет
(республика Беларусь))

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000713261

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Суховой Дарья Алексеевна
(Государственный литературный
музей «XX век»)

Ведущая организация:

ФГаОУ ВПО «Балтийский федеральный
университет имени Иммануила Канта»

Защита состоится «16» февраля 2012 года в 16⁰⁰ часов на заседании совета
Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д.11, филологический факультет Санкт-
Петербургского государственного университета, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д.7/9).

Автореферат разослан «12» января 2011 г.

И.о. ученого секретаря диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Н.В. Богданова

В работе рассматривается описание как элемент индивидуальных поэтических систем М. Крепса и И. Бродского, т.е. работа выполнена в русле лингвопоэтики. Исследуется функционирование разноструктурных синтаксических средств, участвующих в описании предмета. Рассмотрены разнородные конструкции в их взаимодействии, единстве текстовых и грамматических функций.

Цель работы – рассмотреть и сравнить функционирование разноструктурных синтаксических конструкций в поэзии М. Крепса и И. Бродского, участвующие в описании предмета. К таким конструкциям отнесены 1) обстоятельства (в большинстве случаев места и образа действия); 2) разноструктурные сравнительные конструкции; 3) отадективные существительные, т.е. образованные от прилагательного (слова типа *лёгкость*).

Цель работы предполагает решение следующих задач:

1. Рассмотреть конструкции описания, выявить их грамматические особенности и смысловые функции в поэтических текстах М. Крепса и И. Бродского.
2. Рассмотреть случаи, при которых включение конструкций описания предмета существенно влияет на синтаксическую структуру предложения.
3. Выявить взаимосвязь синтаксической структуры предложения и художественного смысла текста.
4. Соотнести полученные результаты с ранее выявленными особенностями идиостилей обоих поэтов.

Актуальность работы обусловлена: 1) рассмотрением различных, недостаточно изученных конструкций с семантикой описания в русле современных направлений лингвистики; 2) анализом взаимодействия этих конструкций в поэтических текстах, позволяющим определить сюжетобразующие и смыслообразующие функции грамматических средств в индивидуальных поэтических системах; 3) необходимостью синтеза лингвистических и литературоведческих задач при анализе художественных текстов.

Новизна исследования определяется следующими факторами: 1) В научный оборот вводится новый материал – до сих пор не изученная поэзия М. Крепса. Поэзия Крепса осмыслялась только в немногих рецензиях критиков, лингвистический анализ текстов в публикациях не встречается. 2) Поэзия М. Крепса сопоставляется с поэзией И. Бродского. Основанием для такого анализа является широко известное филологическое исследование поэзии Бродского, выполненное Крепсом. 3) Выявляются ранее не описанные текстовые функции ряда конструкций, в частности, обстоятельств, отмечается их способность не только маркировать актанта, но и качество предмета, а также выполнять сюжетопорождающую функцию. 4) С позиций грамматики и семантики анализируются отадективные существительные, языковой потенциал которых осмыслен недостаточно.

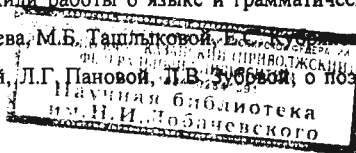
Материалом являются произведения М. Крепса (сборники «Бутон головы», 1987 г., «Космос, Петербург, плечо» 1995 г.) и И. Бродского («Урания», 1987 г.). Все сборники создавались в одно и то же время, хотя некоторые стихи Крепса («Бутон головы») написаны в 60-е, а Бродского («Урания») – в 70-е гг. XX в. Выбор именно этих авторов объясняется и тем, что в 1984 Крепс создал первую в мире монографию о Бродском «О поэзии Иосифа Бродского». В работе проанализировано 321 стихотворение, в которых выявлено более 2000 релевантных микроконтекстов. **Объектом исследования** является поэтическая речь, а **предметом исследования** – семантически сходные синтаксические конструкции.

Цели, задачи, и материал исследования предполагают использование следующих общенаучных и лингвистических методов: метод наблюдения, описательный метод, сопоставительный метод, статистический метод, метод синтаксического анализа словосочетания и предложения, метод толкования, приёмы анализа и интерпретации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. М. Крепс и И. Бродский пользуются разными стратегиями изображения предмета, что проявляется в том, как они используют обстоятельства разных типов, в частности, обстоятельства места, а также сравнительные конструкции.
2. Становясь актантом, конструкция с предлогом *в*, имеющая локативное значение, позволяет переакцентировать предложение и текст, в ней реализуется текстовая категория связности.
3. Обстоятельства места и разноструктурные сравнения могут выполнять сюжетопорождающую функцию, что обусловлено частотой их употребления в предложении и тексте.
4. Распространённые сравнительные конструкции, а также сравнения с союзным словом *так* противопоставляются нераспространённым, а также тем сравнениям, в которых определение и определяемое (как правило, при объекте сравнения) образуют коммуникативный фрагмент в терминах Б.М. Гаспарова, т.е. словосочетание, до некоторой степени закреплённое в языке.
5. Все исследованные конструкции могут выражать авторскую оценку, которая воспринимается как бесспорная, поскольку её нельзя измерить по степени.
6. В текстах обоих авторов сочетаются конструкции, обозначающие динамику и статику, преломляется русская поэтическая традиция. Традиционно выраженный образ помещается в оригинальный контекст.

Теоретической основой исследования послужили работы о языке и грамматических явлениях: Б.М. Гаспарова, В.С. Юрченко, Ю.П. Князева, М.Б. Тацлыковой, Е.С. Шенфельда; о поэтической речи: Н.А. Фатеевой, Н.А. Николиной, Л.Г. Пановой, Л.В. Усовой, о поэзии

И. Бродского: Я.А. Гордина, В.П. Полухиной, Д.Н. Ахапкина, И.В. Высоцкой, И.Ю. Самойловой, Л.Л. Бельской.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут использоваться в преподавании вузовских курсов по морфологии и синтаксису русского языка, а также при подготовке спецкурсов о поэзии И. Бродского и поэтов его круга, при написании различных работ.

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на конференциях: XXXVIII – XL международных филологических конференциях (Санкт-Петербург, 2009, 2010, 2011 гг.); 1 и 2 конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (Санкт-Петербург, 2009, 2011 гг.); IV международном конгрессе исследователей «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2010 г.); научно-исследовательской конференции «Иосиф Бродский в XXI веке» (Санкт-Петербург, 20 – 23 мая 2010 г.); конференции «Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития» (Санкт-Петербург, 25 – 27 ноября 2010 г.); «VII конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей» (Санкт-Петербург, 4 – 6 ноября 2010 г.). Результаты отражены в 10 публикациях, две из которых входят в перечень ВАК.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии.

Основное содержание работы

Во введении определяются цели и задачи исследования, материал работы, актуальность, теоретическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В главе 1 рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся анализируемых слов и конструкций. Логика изложения материала в этой главе соответствует логике последующих глав.

В начале первой главы изложены разные подходы к изучению грамматики поэтических текстов. Выделяется конструкционный подход, при котором исследуются особенности функционирования семантически сходных конструкций (например, обращений) с выходом на их языковой потенциал и текстовую значимость в идиостиле автора, поэтической школы или поэтического языка. Этот подход, реализованный в работах Л.В. Зубовой, А.К. Жолковского, Н.В. Степиховой, Н.К. Богомоловой и др., близок грамматике конструкций, о которой впервые заявил Ч. Филлмор и к конструкционным исследованиям, получившим развитие во многом благодаря работам по функциональной грамматике под редакцией А.В. Бондарко.

В работе определяются такие термины, как поэтическая номинация [Казарин 2004] признак и признаковость в лингвистике, противопоставленные термину предметность. Определяется понятие функционально-семантического поля качественности с позиций функциональной грамматики [Теория функциональной грамматики 1996]. Приводится концепция И.И. Ковтуновой [Ковтунова 1986], по которой любой поэтический текст является признаковым. Рассматривается описание как форма хранения информации.

Далее изложены теоретические вопросы, касающиеся конструкций и словоформ, анализируемых в работе. В §5 рассматриваются теоретические подходы к обстоятельству как члену предложения. Особое внимание уделяется способности обстоятельств маркировать участника ситуации и выражать фазовые значения [Хорук 2010]. Также рассматриваются подходы к изучению обстоятельств места, формирующих категорию локативности [Теория функциональной грамматики... 1996]. Делается вывод о значимости обстоятельства места в структуре предложения, в частности, в художественных текстах с опорой на монографию Л.Г. Пановой [Панова 2003]. Важно также то, что локатив (в частности, конструкция с предлогом *в*, которой уделено особое внимание) позволяет легко переходить от одного значения падежа к другому, поскольку такая конструкция может иметь значение времени и цели.

В § 6 и 7 рассматриваются различные подходы к сравнению как тропу и фигуре речи. Особенно перспективным представляется референциальный подход, разрабатываемый на материале компаративных сравнительных конструкций, т.е. сравнений с формой сравнительной степени прилагательного, в работах Ю.П. Князева [Князев 2007] и поддержанный Г.Л. Денисовой [Денисова 2005; 2009]. Этот подход заключается в том, что на текстовые функции, а также на синтаксис сравнительной конструкции влияет референциальный статус её элементов, т.е. то, какое значение имеют элементы сравнения: общеродовое, экзистенциальное или индивидуализирующее, единичное. Также важно положение Е.С. Кубряковой о том, что «...обнаружить общие черты у небольшого количества сравниваемых объектов гораздо легче, чем постулировать наличие единых признаков у всех многочисленных членов категории¹».

Отдельтивные существительные являются наименее исследованными языковыми единицами, которые освещаются в этой работе (§8). Анализ этих имён производится с опорой на классификацию их функций, предложенную М.Б. Ташлыкковой, которая выделяет следующие функции [Ташлыккова 2000²]:

¹ Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. М.: 2004. С. 100.

² Ташлыккова М.Б. Именные ипостаси признаковой семантики // <http://rus-lang.com/about/group/taschlykova/state16/>. 2000

1. Атрибутивную: *белизна снега*,
2. Полипропозитивную, когда отадективное имя выражает второстепенную пропозицию: *несмотря на усталость...*,
3. Абсолютивную: *говорил с живостью* [Ташлыкова].

Итак, в первой главе дан обзор исследований различных по структуре грамматических конструкций с семантикой *пространства*, *сравнения* и *отвлечённого признака*. Все эти конструкции способны описать предмет, охарактеризовать его взаимоотношения с другими предметами (локативные конструкции), указать на такие его качества, которые ярче проявляются в сопоставлении с другими предметами и явлениями (сравнение) и эксплицитно указать на качества предмета (отадективные имена). Они позволяют описать один и тот же предмет с разных сторон.

В главе 2 рассматриваются грамматические и текстовые функции обстоятельств в поэзии М. Крепса и И. Бродского.

В §1 охарактеризован язык произведений обоих поэтов, ему присущи обилие отсылок к произведениям других авторов, особенно это касается М. Крепса. Сам Крепс, говоря о Бродском, называет это «игрой на чужом инструменте». Для обоих знание разных языков и культур становится способом мышления. Чертой поэтики Бродского Крепс называет внимание к художественной детали. Однако у Бродского многие предметы подаются обобщённо³.

Критики характеризуют стиль стихотворений И. Бродского как псевдонаучный, это обусловлено обилием лексических и грамматических элементов, свойственных научному стилю, например, терминов. В результате возникает особая манера повествования, отмеченная А.А. Чевтаевым [Чевтаев 2006].

В § 2 перечислены некоторые представления Бродского и других поэтов разных эпох об употреблении различных частей речи, отразившиеся в их высказываниях и поэтических текстах. В языке поэзии предпочтение одних частей речи приводит к снижению употребительности других. Поэтому можно предположить, что стремление Бродского обходиться без прилагательных, о котором он говорил в различных интервью, приводит к трансформации структуры предложения.

В §3 выделяются текстовые функции обстоятельств места в стихотворениях М. Крепса. Они соединяют разноплановые образы, так проявляется их сюжетопорождающая функция: *Я вернусь туда, где жевал пельмень, / Где над чаем плыл голубой пэл-мэл, / И кошачью лесенку на твоём этаже / Превращу я в песенку.* е.б.ж. [Крепс (далее К.),

³ Kononen M. «Four ways writing the city»: St. Petersburg – Leningrad as a metaphor in the poetry of Joseph Brodsky. *Slavica Helsingiensia*. 23. Helsinki: 2003. P. 160.

«Возвращение»]. Обстоятельства выполняют сюжетопорождающую функцию, когда ими насыщены предложение и поэтическое высказывание. Обстоятельства позволяют легче понять метафоры, метонимии, перифразы: *Треугольники врезают в горизонт гора, / В небе чертит Бог невидимым циркулем круг.* [К. «Геометрия любви»]. Именно в переключении внимания читателя и в соединении разнородных предметов (локусов) проявляется сюжетопорождающая функция обстоятельств. Она актуализируется, когда стихотворение построено на соположении нескольких ситуаций или в нём изображено движение.

Грамматические функции обстоятельств в текстах М. Крепса рассмотрены в §4. Обстоятельство маркирует одного из участников ситуации: *А впрочем, на шее спасительный крест* [К. «Пасха в богадельне»].

Обстоятельства по-разному отражают активность субъекта действия. Если неморфологизованными обстоятельствами, характеризующими ситуацию в целом, субъект действия может быть понижен в грамматическом ранге, то благодаря наречным обстоятельствам субъект предстаёт более активным. Характеристика действия по образу его протекания предполагает наличие субъекта: *Нет, не радетьельно – рыдательно / Прильну к знакомому глазу* [К. «Старый Колумб»].

Обстоятельство может маркировать не только субъект действия, но и качество предмета. В стихотворении «Камин в январе» словоформа из заглавия *в январе* синкретична, она маркирует время, но поскольку конкретные предметы плохо сочетаются с длительными показателями времени, *в январе* обозначает и качество камина – натопленный камин. Показатель времени метонимически маркирует и качества предмета.

В текстах М. Крепса обстоятельства акцентируются именно потому, что они не предопределяются контекстом, в основном глагольной формой, ср.: *висел в запылённом стекле, отдыхают <...> в ночной глубине витрин, в память ушёл, над чаем плыл* и др. Обстоятельства не уточняют событие, а вводят новую информацию, в том числе маркируя субъект (субъект-авторизатор, по Н.К. Ониненко), объект, время действия. С одной стороны, такую непредсказуемость можно посчитать особенностями поэтической речи как таковой, но с другой – это объясняет то, как М. Крепсу удаётся быть одновременно традиционным и оригинальным поэтом.

В текстах М. Крепса переосмыляется инвариантная функция предложного падежа как падежа, который, по мнению С.А. Лутина, маркирует контакт между двумя партиципантами ситуации [Лутин 2008]: *Лают собаки в утренней голове,* [К. «Бабочка и самолёт»].

§ 5 и 6 гл. 2 посвящены употреблению обстоятельств в текстах И. Бродского, выявлена их сюжетопорождающая функция и грамматические особенности. Конструкция с

предлогом *в* осуществляет функцию сцепления образов (так проявляется грамматическое значение предлога *в*, контакт в терминах С.А. Лутина в случае предложного падежа) и позволяет поэту переходить от образа к образу, изображая предмет статично.

Конструкция с предлогом *в* вводит новый субъект действия, происходит расщепление актантов (термин Ю.Д. Апресяна). Если Крепс, соединяя локативы, представляет предмет в динамике (например, во времени), то Бродский нанизывает несколько предметов: *Призрак бродит по Каунасу, входит в собор, / выбегает наружу. Плетется по Лайсвис-аллее* [Бродский (далее Б.), «Литовский ноктюрн», XIV]. Динамизм этого описания проистекает и от значения винительного падежа как падежа, тесно связанного с действием.

Конструкция с предлогом *в* перифрастически указывает на качество предмета. На это значение накладываются другие: *Там хмурые леса стоят в своей рванине* [Б. «Пятая годовщина»]. Фраза трансформируется синтаксически: существительное обозначает предмет по характерному признаку. Конструкция с предлогом *в* способна описать один предмет с разных сторон. Она лексически свободна. Так, в стихотворении «Римские элегии» пейзаж описывается отстранённо, место, где находится лирический герой, обозначается как место другого действия – заката солнца: *Привались лучше к кортику, скинь бахилы, / сквозь рубашку стена холодит предплечье; / и смотри, как солнце садится в сады и виллы, <...>* [Б. «Римские элегии», VI]. Конструкция *в сады и виллы* формально называет направление движения, это придаёт описанию динамизм, ср.: *я сижу в саду*, такой эффект возникает и благодаря форме мн. ч. *сады*. Описывается местонахождение героя, но оно не сводимо к одной точке, описание конкретных реалий (точечность) сосуществует с описанием города как целого.

У Бродского, как и у Крепса, обстоятельство становится изобразительным, если на лексическое значение накладывается авторская оценка. Это позволяет наделять изображаемые предметы рядом качеств, которые уже не связаны с прилагательным. Авторская оценка подаётся как бесспорная, поскольку качество не может быть измерено по степени, а может быть принято или опровергнуто, оно входит в пресуппозицию повествователя. Существительные в функции обстоятельств выполняют пропозитивную функцию. В результате полноформленность предложения сочетается со смысловымостью, а объективность – с субъективностью.

Тот факт, что предлог *в* может маркировать предмет в статике и динамике, позволяет этим конструкциям противопоставляться, вступать в отношения антонимии. В-конструкция обозначает ту характеристику предмета, которая является сопутствующей: *Боясь расплескать, проношу головную боль / в сером свете зимнего полдня вдоль / оловянной реки, уносящей грязь к океану <...>* [Б. «Над восточной рекой»]. Конструкция позволяет включить

в простое предложение ту информацию, которую можно было бы передать несколькими разноструктурными простыми предложениями.

Конструкция с предлогом *в* также маркирует скрытого участника действия: *Мост над замёрзшей рекой в уме / сталью своих хрящей / мысли рождат о другой зиме <...>* [Б. «Полдень в комнате», IV]. Выдвижение интерьерного атрибута города *мост* в позицию подлежащего позволяет не переключаться на описание лирического героя. Эта же конструкция может вводить обобщённый субъект.

В-конструкция может осложняться незлеминируемым причастным или деепричастным оборотом. Связываясь с субъектом действия, он представляет субъект активным.

Рассмотренный материал позволяет сделать выводы:

В текстах М. Крепса и И. Бродского обстоятельства выполняют следующие функции:

1. **Текстовые:** указание на качество предмета (лексически или перифрастически); изображение предмета статично; выражение авторской оценки; создание детализирующего описания предмета; выстраивание сюжетной перспективы текста;
2. **Грамматические:** участие в выражении субъектно-объектных отношений; создание полипропозитивного предложения.

Если в произведениях М. Крепса обстоятельство расширяет перспективу высказывания, вводит новую информацию, является выразителем скрытого участника, выражает авторскую оценку, то у И. Бродского обстоятельство в большей степени является способом зафиксировать качества предмета, (т.е. происходит сужение перспективы высказывания, конкретизация). Обстоятельство также соединяет разные предметы с их качествами. Если у М. Крепса обстоятельство как распространитель предложения замыкается на лирическом герое, то у И. Бродского оно, фиксируя статичное положение предмета, расширяет и уточняет ситуацию. В тексты М. Крепса такие обстоятельства вносят эффект новизны, создавая при этом впечатление того, что тексты ориентированы на поэтическую традицию XIX – XX вв., тогда как в стихотворениях И. Бродского обстоятельства связаны с объективизацией повествования, этот эффект более присущ научным текстам и публицистике.

Употребительность обстоятельств связана с изменением субъектно-объектных отношений, которое отмечается исследователями на материале разножанровых художественных текстов последнего времени. Если обстоятельство позволяет сделать повествование более выдержанным, стройным и если обстоятельства со-противопоставляются, можно говорить о повышении связности текста.

Если обстоятельствами выражается авторская оценка, то она становится неотъемлемой характеристикой предмета. Обстоятельства позволяют сочетать объективность с субъективностью, столь свойственную идиостилю И. Бродского. Обстоятельство позволяет также сочетать динамизм и статичность в изображении предмета, это зависит от лексического значения обстоятельства.

В главе 3 «Сравнение в поэзии М. Крепса и И. Бродского» описаны семантически сходные конструкции с точки зрения синтаксиса. В § 1 – 3 рассмотрено сравнение в текстах М. Крепса, а в § 4 и 5 – И. Бродского.

Крепс уподобляет предметы друг другу вместе с их действиями или качествами. Обилие таких сравнений – идиостилевая черта его поэтики.

В сборнике «Космос, Петербург, плечо» насчитывается почти 250 сравнительных конструкций, 45% из них являются синтаксически распространёнными, содержат уточнители и конкретизаторы и 55 нераспространёнными. 82 из всех сравнений в сборнике «Космос, Петербург, плечо» относятся к союзным, далее в порядке убывания следуют генитивные сравнения, сравнения, выраженные компаративом. Сравнения, в состав которых входят лексемы с семантикой уподобления и конструкции с творительным падежом.

В сборнике «Бутон головы» (части «Чучело времени») наиболее употребительны компаративные сравнения (сравнительная степень), их насчитывается более 60, далее следуют союзные сравнения (49), генитивные сравнения (более 40), сравнения, опирающиеся на лексическое значение словоформы (17) (случаи типа *похож*), и сравнения, выраженные творительным падежом. Всего в сборнике «Бутон головы» (части «Чучело времени») обнаружено 175 сравнительных конструкций. Из них около 30% распространённые. Таким образом, в сборниках М. Крепса зафиксировано почти 425 сравнительных конструкций, и 180 из них являются развёрнутыми.

Большинство сравнений распространяется таким определителем (прилагательным или причастием, реже существительным с предлогом), который привносит новую информацию. Без него текст хуже интерпретируется или приобретает другой смысл. Объект сравнения (с чем сравнивается) распространяется в три раза чаще, чем его субъект (что сравнивается).

Распространитель сравнения может выполнять индивидуализирующую функцию, т.е. характеризовать предмет с какой-либо стороны, выделять его признак и поясняющую, т.е. пояснять причины сходства, содержать семы, которые помогают интерпретировать сравнение, угадывать переносное словоупотребление. Эти две функции синтаксического распространителя взаимосвязаны и означают большую или меньшую степень спаянности элементов сравнения в тексте. Подобные сравнения делают описание предмета точным: *Небо манит глаз оглядкой / Чёрной в крапинку подкладкой, / Как раскрытый чемодан. /*

Месяц вышел на майдан, / Как без точки знак вопроса / На рассыпанное просо / Смотрит искоса и косо, / Желтолиц, как Гоминдан [К. «Над Невою овен дан»]. Здесь определительные конструкции описывают не только цвет, но и рисунок, который становится наглядным – как без точки знак вопроса, что делает описание звездного неба не столько эмоциональным, сколько живописным. Случай, когда распространитель объекта сравнения является интерпретирующим, осмыслены, в частности, В.М. Огольцевым, Ю.Ю. Ушаковой⁴. Становясь незлиминируемыми, указатели на время или пространство, а также другие элементы сравнения выполняют сюжетопорождающую функцию, подобно аналогичной функции обстоятельств. Если без определителей сравнение обесмысливается, то его роль в предложении повышается. Сравнение может поддерживаться контекстом стихотворения или противопоставляться ему.

Одно сравнение может перетекать в другое, тогда объект одного сравнения является и субъектом другого, возникает нанизывание сравнений: *Мимо листопада лети сквозь судьбу / Сладонью тополя у «Тойоты» на лбу* [К. «Золотой сезон»].

Определитель объекта сравнения делает конструкцию индивидуальной, связывает сравнение с другими мотивами лирического текста.

Новая информация, вводимая определителями сравнения, может заключать в себе ещё одну ситуацию, создавая эффект пропозиции. Распространитель усложняет текст: *Мелькают дети, псы, телеги, / А даль туманна и мутна, / Как облако в сутулом небе / Полуоткрытого окна* [К. «Ленинград – Тамбов»]. Конструкция *в сутулом небе* стоит на границе словосочетаний и сочетаний слов, поскольку формируется на уровне предложения и едва ли возможна вне его. Словоформа *сутулом* лексическим значением имплицитно указывает на лирического героя около окна.

Распространитель акцентирует тот или иной признак предмета, подсказывает трактовку конструкции, раскрывая авторский ракурс. В стихотворении «Зимний речитатив» без распространителя сравнение звезды над Россией с ёлочной игрушкой интерпретировалось бы с учётом внешнего, а не внутреннего сходства: <...> *Пусть горит над Россией звезда, как ёлочная игрушка, / На которую смотрят порой влюблённые, а порою и дети, / Бесплезно-красивая, как чужая весна на примете* [К. «Зимний речитатив»]. Благодаря распространителю звезда и ёлочная игрушка сравниваются не по признаку, а по действию «смотреть». Здесь же дана и оценка ёлочной игрушки – *бесплезно красивая, как чужая весна на примете*. Обязательный компонент сравнения связан и с актуальным членением, как правило, он входит в состав ремы.

⁴ Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Изд. 2. М.: 2009. С. 34 - 35; Ушакова Ю.Ю. Определения при творительном падеже со значением сравнения // Русская речь. 2004. №6. С. 41 – 44.

Сюжетопорождающая функция сравнений ярче всего проявляется в текстах, целиком построенных на сравнении, оно становится организующим. У М. Крепса два таких текста.

В § 2 сравнение рассматривается как способ дать индивидуальную характеристику предмета. В текстах М. Крепса выделяется ряд конструкций, в которых объект сравнения и его определитель образуют употребительное словосочетание или коммуникативный фрагмент в терминах Б.М. Гаспарова. Такие сравнения составляют чуть менее 30% всех распространённых конструкций. Они апеллируют к внеязыковым знаниям читателя. Такое сравнение сближается с нераспространённым, поскольку уподобляются предметы как типичные представители каких-либо классов. Определитель сравнения подчёркивает обычность предмета, а не индивидуализирует его: *Окна слушают утро, как дети волшебную сказку, / Загораясь несложной интригой старинных томов* [К. «Снегурочка»]; *Дождь штрихует горизонт, / Словно школьную тетрадку, <...>* [К. «Язык дождя»]. Объекты сравнений образуют употребительные словосочетания: *волшебную сказку, школьную тетрадку*. В результате создаётся достаточно традиционный образ. Выявляются общие черты у малосопоставимых предметов или явлений: утро как сказка, горизонт как тетрадка. Поэт апеллирует к тому образу, который уже частично закреплён в сознании говорящего и легко извлекается из памяти, а не конструируется. Коммуникативные фрагменты чаще являются объектами союзных, нежели компаративных сравнений. В нашем материале сравнения, в состав которых входит сравнительная степень прилагательного, наречия или слова категории состояния, имеют мало зависимых слов.

Сопоставление нескольких предметов вместе с их качествами приводит к тому, что образуются пары контрастов (термин М.И. Черемисиной), причём противопоставляются качества, которые не антонимичны в языке.

Оставаясь традиционным по форме, сравнение становится необычным, когда оно содержит некоторое лексическое или логическое противоречие. В стихотворении «Глядящие города» описывается, как города из воды глядят на свои отражения на берегу. Эту конструкцию можно назвать перевёрнутой, поскольку города из воды глядят на свои отражения, а не наоборот: *Хорошо бы одновременно входить / В реку времени, где «лежу» и «бегу» / Неразлучны, как города, глядящие из воды / На свои отражения на берегу* [К. «Глядящие города»]. Здесь отражённое осмысливается как главное по отношению к реальному предмету.

Сравнение индивидуализируется, когда его распространитель является более свободным лексически. Этот эффект основан на переосмыслении правил сочетаемости. Субъективность сравнения усиливается, когда в пределах одного сравнения предмет наделяется различными характеристиками, описывается с разных сторон.

Коммуникативный фрагмент, переосмысляясь, переводит сравнение из банального в авторское. Так, преобразуя смысл словосочетания *белый букварь*, М. Крепс трансформирует и семантические отношения: *И январь открывал глазам свой белый букварь / Незашиторенных окон*, <...> [К. «Зимний пейзаж без старого друга»]. В определении *белый* содержится целая ситуация: зимой виден иней на стёклах. Прилагательное *белый* сближается с относительными, ср.: *снежный рисунок – рисунок снегом, ледяной дом – дом из льда*. Но прилагательное *белый* не переходит в относительное (хотя бы окказионально), существительное *букварь* употреблено в переносном значении, что влияет и на семантику прилагательного, которое сохраняет цветное значение.

Распространитель сравнения актуализирует интертекстуальные связи, что позволяет сочетать объективность с субъективностью как индивидуальной характеристикой.

Сравнение становится индивидуализирующим, когда оно сочетается с разными тропами и фигурами: перифразой, олицетворением, эллипсисом, хотя в случае перифразы при переназывании используются словосочетания-коммуникативные фрагменты: *Крылатые кошки в сыром молоке января / Застыли как мошки в старинном куске янтаря*, <...> [К. «Белые посты»].

§ 3 посвящён нераспространённым сравнениям в поэзии М. Крепса. Нераспространение конструкции связано со способом её выражения. Не распространяется большинство компаративных и генитивных сравнений, а также конструкций с творительным падежом, конструкций, со словами типа *по-лисьи*, с прилагательными на *-образный* и *-видный*, слова с префиксами *полу-*, сравнения, выраженные предлогами типа *под*, отдельно отмечены графические сравнения. В нераспространённых сравнениях уподобляются предметы как типичные представители каких-либо классов, лексемы приобретают значение родового единственного числа. Нераспространённые генитивная и компаративная конструкции противопоставляются, поскольку генитив приобретает метафорическое значение. Эта конструкция не может быть использована без переосмысления значения существительного в именительном падеже или обеих словоформ, тогда как компаративная конструкция является сравнением («в чистом виде»), компаративная конструкция лексически свободна. В генитивной же конструкции (более, чем в компаративной) один предмет рассматривается через признак другого, т.е. главное слово генитивной конструкции становится признаковым. В отличие от компаративной генитивная конструкция не может иметь основание сравнения.

Генитивным сравнениям семантически близки конструкции, состоящие из относительного прилагательного и существительного. Прилагательное может выражать 1) объект *по паркетным мостовым* [К. «Наши имена»]; 2) субъект сравнения *под рокот*

жести дождевой [К. «Когда в пустых ночных квартирах»]. Прилагательное в функции субъекта сравнения сохраняет прямое значение, определяемое же такого прилагательного употребляется переносно, поэтому эти конструкции метафоричны.

Компаративные конструкции в силу неограниченной сочетаемости элементов легко становятся сентенциями: *Пролог занятнее эпилога. / Пророк всегда представимей Бога. / Порок притягательней, чем подруга* [К. «Букет расхожих истин»].

Выразительность компаративной конструкции усиливается, когда сочетаются слишком разные предметы (*И хорошо. И небо голубей / Всех пиджаков, и листья – брюк желтые*, <...> [К. «Амуру (2)»]) или, напротив, слишком одинаковые (*Он [птиц язык – Н.Ш.] пестрей небесных пятен, / Мозаичней мозаик* [К. «[Птиц язык»]).

Нераспространённая конструкция с союзом *как* сближается то с генитивной, то с компаративной. Значение элементов конструкции переосмысливается в разной степени.

Тот факт, что сравнения выполняют в текстах М. Крепса рематическую и интерпретирующую функции, позволяет противопоставить их обстоятельствам. Если в обстоятельствах М. Крепс расширяет перспективу предложения, вводит новую информацию, то сравнения более связаны со статичным описанием предмета. Рематическая функция обстоятельств акцентирует предмет. Признак, которым наделяется предмет через сравнение, может и не развиваться в последующем тексте, однако он является авторской характеристикой.

Наделяя уподобляемые предметы определениями, М. Крепс делает сходство между двумя предметами, явлениями или действиями более кратковременным, даёт подробное описание предмета. Если сравниваемые предметы или явления помещаются в определённую ситуацию, то новая ситуация потребует нового сравнения.

§ 4 посвящён распространённым сравнениям в сборнике И. Бродского «Урания», всего в сборнике насчитывается около 700 сравнений. Среди распространённых выделяются, в частности, сравнения, распространённые причастным оборотом. На значимость причастия при интерпретации метафор Бродского обратила внимание В.П. Полухина⁵. Такой причастный оборот становится незлиминируемым: <...> *у квартир – / вид неправильных туч, заражённых квадратностью, тюлем*, <...> [Б. «Bagatelle», II]. Такой оборот является сюжетопорождающим элементом текста, входит в состав ремы. Особенно ярко это видно на примере текста «Осенний крик ястреба», где можно говорить о «поглощении» субъекта сравнения его объектом, что обусловлено развёрнутостью сравнительной конструкции, наличием нескольких деепричастных оборотов. Причастный оборот появляется и при собственных именах, которые сами по себе не требуют распространителей (см. «Развивая

⁵ Полухина В.П. Больше самого себя. О Бродском. Томск: 2009, С. 181.

Платона», I), а также при генитивных метафорах, которые реже распространяются («Ист-Финчли»). В редких случаях причастный оборот по значению соотносим с обстоятельством, тогда подчёркивается его подчинённость: <...> *Звезда в захолустье / светит ярче: как карта, упавшая в муть* [Б. «Литовский ноктюрн», V].

Причастия не мешают сравнивать предметы как таковые, оба уподобляемые предмета могут осмысляться как неконкретные, т.е. единственное число имеет значение обобщённого: *Багровеет известка / трёхэтажных домов, / и булыжник мерцает, как / пойманный лещ* [Б. «Литовский ноктюрн», V] (См. Также «Брайтон-Рок»).

Новая информация вводится в сравнение также прилагательным: *шелест мёртвой полыни, опередившей осень, / серый язык воды подле кирпичных дёсен* [Б. «Северный Кенсингтон»].

Относительное и качественное прилагательные по-разному распространяют сравнение: качественное прилагательное индивидуализирует сравнение, внося авторскую оценку, а относительное уточняет предмет через его отношения с другими. Это связано со спецификой относительного прилагательного, семантика которого определяется как «...комплексная – качественная характеристика того разряда предметов, который присоединением относительного прилагательного к определяемому существительному вычленяется как подкласс из класса (или “вид” из “рода”), обозначаемого стержневым членом словосочетания⁶». В текстах Бродского прилагательное в составе сравнения оказывается незлиминируемым, без него конструкция меняет смысл: *Слово, сказанное наугад, / вслух, даже слово лжи, / воспламеняло мозг, как закат / верхние этажи* [Б. «Полдень в комнате», VI]. Ср.: *слово <...> воспламеняло мозг, как закат – <...> этажи.*

Акцентированность сравнений Бродского усиливается, когда их элементы плохо предсказываются контекстом. Бродский строит фразу так, что коммуникативный фрагмент разрушается, разъединяясь другими словами: *Но и чёрной мысли толком не закрепить, / как на лоб упавшую косо прядь* [Б. «Как давно я топчу...»]. В результате создаётся именно индивидуальный образ, а не образ, апеллирующий к общепринятым представлениям.

Для сравнений Бродского свойственно наличие компонентов, которые не разъясняют сравнение, и не образуют пары контрастов, это характерно для синтаксически несходных конструкций. Такой эффект может поддерживаться мнимым синтаксическим параллелизмом, который возникает, поскольку предложение насыщается рядами однородных членов: *Шлюпки, моторные лодки, баркасы, барки, / как непарная обувь с ноги Творца, / ревностно топчут шпиль, пшлястры, арки. / выраженья лица* [Б. «Венецианские строфы (2)», VI].

⁶ Проблемы функциональной грамматики: категоризация семантики. / А.В. Бондарко. СПб.: 2008, С. 144.

Особенно неограниченны по набору лексики сравнения с союзным словом *так* (41 случай). В них сопоставляются не предметы, а целые ситуации. К такому сравнению трудно подобрать основание, создаётся эффект монтажа, связь становится не чувственно осязаемой, а ассоциативной. Сравнение и остальной текст имеют мало общих сем. Эти сравнения перифрастичны: *<...> переставляешь на площадях ботинки / от фонтана к фонтану, от церкви к церкви – / так иголка шаркает по пластинке, / забывая остановиться в центре* [Б. «Римские элегии», VII].

Конструкции с союзным словом *так* и с причастным оборотом динамизируют текст. Они противопоставляются конструкциям статичного описания предмета. Это объясняется семантическим разнообразием конструкций, низкой предсказуемостью текста.

В § 5 описаны нераспространённые сравнения в текстах И. Бродского. Их насчитывается более 300. В некоторых конструкциях этого типа сравнение заменяется рематизацией, сюда относятся сравнения со словами *хуже*, *лучше* и др.: *Там начинало к шести темнеть. / В восемь хотелось лечь. / Но было естественней камень / в профиль, утратив речь* [Б. «Полдень в комнате», XI]. Эффект сравнения ослаблен и при тавтологии, когда субъект и объект сравнения совпадают.

В нераспространённых сравнениях форма ед. ч. осмысливается как родовое единственное: *Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река / высывалась бы из-под моста, как из рукава – рука, <...>* [Б. «Развивая Платона», I]. Конструкций, один элемент которой имеет форму родового единственного числа, насчитывается 25%. Они близки сентенциям и воспринимаются как обобщённые: *Там, лежучи плашмя на рядовой холстине, / отбрасываешь тень, как пальма в Палестине. / Особенно – во сне. И, на манер пустыни <...>* [Б. «Пятая годовщина»]. Если предложение насыщено второстепенными членами, то сжатое сравнение становится индивидуализирующим: *Английские каменные деревни. / Бутылка собора в окне харчевни* [Б. «Английские каменные деревни»].

Сравнение в форме ед. ч. позволяет описать единичный предмет и предмет как типичный представитель какого-либо класса, тогда как сравнение, хотя бы один компонент которого употреблён в форме мн. ч., даёт описание ряда предметов. Когда элементы сравнения семантически различаются, на первом плане оказывается ассоциативный характер сравнения: *Муха бьется в стекле, жужжа / как "восемьдесят". Или – "сто"* [Б. «Полдень в комнате», III].

Нераспространённые сравнения особенно выделяются на фоне сравнений с причастными оборотами, а также сравнений, образованных союзным словом *так*, в союзных конструкциях сравнение нескольких ситуаций затруднительно (исключение – случаи, когда объект сравнения одной лексемой указывает на целую ситуацию). Однако сравнение

нескольких ситуаций возможно, если использовать компаративные конструкции. В них ситуации вступают в особые отношения, например, в причинно-следственные или пояснительные (что связано с наукообразным стилем текстов Бродского): *В феврале чем позднее, тем меньше ртути. / Т. е. чем больше времени, тем холоднее* [Б. «Эклога 4-я (зимняя)», IX].

Нераспространённые сравнения ощущаются как более статичные, они динамизируются контекстуально и благодаря соположенным с ними распространённым сравнениям. Динамизм может создаваться также переключением планов.

В результате можно сделать выводы:

В отличие от М. Крепса И. Бродский использует сравнение как средство переключения планов, введения новой, неожиданной информации, оно становится сюжетобразующим элементом текста.

Сравнение, в состав которого входит причастие или причастный оборот, и сравнение, образованное союзным словом *так*, становятся способом динамизировать текст, а не только дать развёрнутую характеристику предмета, как в текстах М. Крепса. Почти одинаково употребительные у обоих авторов нераспространённые сравнения противопоставляются, во-первых, по структуре: у М. Крепса преобладают генитивные нераспространённые сравнения, он использует также разные типы редко встречающихся конструкций (сравнения, образованные различными аффиксами), тогда как И. Бродский структурно не противопоставляет распространённые и нераспространённые сравнения, а напротив, подчёркивает их синтаксическое единство. Нераспространённые сравнения в текстах И. Бродского становятся более выделенными. Изображение предмета как такового усиливается формой именительного падежа элементов сравнения. Во-вторых, такое использование сравнений позволяет сделать тексты И. Бродского насыщенными сентенциями, что приводит к особому соотношению объективного и субъективного планов в его текстах. Сравнение становится и способом выразить авторскую оценку. Лексический состав предложения может приводить к тому, что семантика сравнения стирается, выражается авторская оценка, усиливается прагматика утвердительности. В текстах М. Крепса нераспространённое сравнение оказывается менее нагруженным по смыслу и выполняет основную функцию ассоциирования.

В главе 4 рассматривается отаъективное существительное (типа *лёгкость*) как лексический способ описания предмета и выражения его признака. Проанализировано около 460 таких имён. В текстах обоих авторов они чаще (в среднем 40%) являются дополнениями, это обуславливается валентностью предиката. Предикаты и зависимые имена расширяют сочетаемость, встраиваясь в ряды однородных членов. Невозможность устранить

отадъективное имя из предложения, заменив его атрибутивным словосочетанием, подтверждается тем, что почти 80% отадъективных имён в сборнике «Украина» употребляется абсолютно.

Второй по частотности синтаксической функцией (20% у Бродского и чуть менее у Крекса) является функция обстоятельства. Обозначая место действия, оно может быть недифференцированным, тогда в одной лексеме сочетается несколько обстоятельственных значений. Отадъективные существительные усиливают признак своего определяемого, действие метафоризируется: *и судьба нарушителем пятится прочь / в настоящую старость с плевком на стене, / с ломотой, с бесконечностью в форме панели / либо лестницы* [Б. «Литовский ноктюрн», XI].

На значение обстоятельства накладывается также значение субъекта-авторизатора, субъекта знания и оценки (термин Н.К.Онипенко). Признак предмета, названный существительным, выделяется именно субъектом-авторизатором: *А поезд мчится без оглядки / По неоглядности равнин <...>* [К. «Ленинград – Тамбов»]. Признаком неоглядность равнину наделяет именно субъект-авторизатор.

Отадъективное имя называет одну характерную черту предмета, поэтому оно способно обозначать предмет целиком, в работе эта функция названа метонимической: *То бредут к водопою глотнуть речную / рябь стада куполов* [Б. «Венецианские строфы (2)» IV]. Субъект-авторизатор маркируется существительными в разных синтаксических позициях. Они могут быть средством неназывания субъекта, текст становится менее нагруженным синтаксически: *Глухота щуплых стен, бледных как полотно, / Выдающих разлад за беспечность <...>* [К. «Окно»].

Употребление таких имён приводит к интерверсии (термин В.Г.Гака), т.е. к взаимозамене главных и второстепенных членов. Синкретизм отадъективных существительных не проявляется, когда значение абсолютно употреблённого имени ясно из контекста: *Капитан отличается от Адмиралтейства / одинокими мыслями о себе, / отвержением к синеве, <...>* [Б. «Новый Жюль Верн», II].

Отадъективное имя, особенно в функции подлежащего, выстраивает нужную автору субъектно-объектную перспективу, заключая в себе эксплицитный субъект или выражая его имплицитно. Когда отадъективное существительное является подлежащим, агентивный субъект заменяется другими видами субъекта. В предложении выделяются признак и действие, а не действующее лицо: *В на попа поставленном царстве, где мощь крупиц / выражается дробью подметок и взглядом ниц, / испытующим прочность гравия в Новом Свете, <...>* [Б. «Над восточной рекой»].

Синтаксическая функция подлежащего подразумевает независимость Существительного, поэтому признак осмысливается как понятие: *Одиночество есть человек в квадрате* [Б. «К Урании»].

Осмысляясь как независимый, признак становится неотъемлемой частью предмета, его постоянной авторской характеристикой. Оценка авторской характеристики сближает отадективное существительное с эпитетом: *Вот откуда твои / щёк мучнистость, безадресность глаза, / шелестовость и волосы цвета спитой, / тусклой чайной струи* [Б. «Литовский ноктюрн», VII]. Отадективные имена в функции сказуемого в работе почти не затрагиваются в силу их малочастотности.

Формируя пропозицию, отадективные имена могут создавать своеобразный пассивный залог, хотя грамматически конструкция остаётся активной: *убогой жизни разграфлённость / Ломала розовую ночь, <...> // И птиц не привлекала стайность / И не прельщала темнота <...>* [К. «Утро I»].

Синкретичность лексического значения отадективных существительных определяет синкретичность их синтаксических значений. Отадективные Существительные могут употребляться перифрастически и метонимически, переакцентируя текст. Производность от прилагательного позволяет им функционировать в значении эпитета.

Далее рассмотрены отадективные имена в атрибутивной функции, это случаи, когда имя и его определяемое сопоставимо со словосочетанием прилагательное + существительное. Трансформация атрибутивного словосочетания в словосочетание из двух существительных может обуславливаться желанием поэта представить картину объективно, предмет не характеризуется как яркий, его яркость попадает в пресуппозицию автора: *Ведь яркость красок – повод к беспокойству / В местах, где флаги ярче, чем цветы* [К. «Прогулка»].

Отадективное имя само может определяться прилагательным, тогда предложение становится грамматически разнообразным, причём признаки прилагательного и существительного могут быть не связаны семантически: *Сердце, обросшее плотью, духом, пером, крылом, / бьющееся с частотою дрожи, / точно ножницами сечёт, / собственным движимое теплом, / осеннюю синеву, <...>* [Б. «Осенний крик ястреба»].

Итак, отадективное существительное является языковым средством описания предмета, указывая на его признак в силу производности от прилагательного. Эти имена сближаются с обстоятельствами места, поскольку и те, и другие позволяют выстроить нужную автору субъектно-объектную перспективу предложения и являются второстепенными синтаксическими средствами, которые маркируют субъект. В обоих случаях агентивный субъект либо оказывается не выраженным, либо понижается в

грамматическом ранге (исключением являются отадективные имена, метонимически обозначающие предмет типа *синевы* в значении *небо*). Востребованность отадективного существительного для построения субъектно-объектной перспективы высказывания подтверждается тем, что отадективное имя оказывается достаточно частотным в синтаксических функциях подлежащего и дополнения (что связано с валентностью предиката), а также с тем, что оно употребительно в абсолютивной функции.

Как и сравнительная конструкция, отадективное существительное выражает авторскую оценку, которая отличается от оценочных прилагательных, так как является неоспоримой, такой, которую нельзя измерить по степени. С учётом лексического значения выделенный признак может отчасти противоречить семантике контекста. Особый характер оценки заставляет отнести отадективное существительное к средствам выражения статичного признака, поэтому в текстах И. Бродского эти имена оказываются противопоставленными динамизирующим конструкциям, которые в той или иной степени описаны в работах о синтаксисе поэтических текстов И. Бродского.

В заключении диссертации делаются обобщающие выводы.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

1. Шанявская Н.Е. Две стратегии сравнения (на материале стихотворений М. Крепса и И. Бродского) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2010. вып. 4. С. 207 – 213.
2. Шанявская Н.Е. Синкретизм как черта отадективных абстрактных существительных (на материале поэтических текстов) // Acta Linguistica Retropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. VI, ч. 3. Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Наука, 2010. С. 170 – 175.
3. Шанявская Н.Е. Особенности структуры и функционирования сравнений в поэзии Михаила Крепса // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. №8 (27). Ч. 1. С. 189 – 191.
4. Шанявская Н.Е. Прилагательное и его семантические эквиваленты в поэзии Михаила Крепса // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота: 2009 №2 (21). Ч. 2. С. 157 – 159.
5. Шанявская Н.Е. Михаил Крепс и А.С. Пушкин: диалог культур (филологический аспект) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010 №3 (34). Ч. 2. С. 181 – 183.
6. Шанявская Н.Е. Распространённость / нераспространённость конструкций со значением сравнения в связи с их грамматической структурой (на материале

- поэзии М. Крепса и И. Бродского) // Материалы XXXIX международной филологической конференции 15 – 20 марта 2010 г. СПб.: 2010. С. 49 – 52.
7. Шанявская Н.Е. Потенциал относительного прилагательного (на материале стихотворений М. Крепса) // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2010 г. М.: 2010. С. 383 – 384.
 8. Шанявская Н.Е. Поэтика И. Бродского в стихотворении М. Крепса «Чаепитие с Бродским» // Материалы международной научно-исследовательской конференции «Иосиф Бродский в XXI веке» 20 – 23 мая 2010 г. СПб.: 2010. С. 55 – 58.
 9. Шанявская Н.Е. Иконичность ритма и рифмы в поэзии Михаила Крепса // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития: материалы Международной научной конференции: 25 – 27 ноября 2010 г. СПб.: 2010. С. 313 – 321.
 10. Шанявская Н.Е. Актуализация конструкции с предлогом *в* в поэтических текстах М. Крепса и И. Бродского // Материалы конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» 24 – 26 марта 2011 г. Институт лингвистических исследований. СПб.: 2011. С. 44.

Типография СПбГУ
199004, г. Санкт-Петербург, Большой проспект В.О., д.21
Подписано в печать 28.12.2011
Тираж 100 экз.

102